

«КИСЕЛЬ ИЗ ПОНАРОШКИ И СЛОВА УТЕШЕНИЯ ОТ ВСЕХ»

Вот уже и первый день ноября наступил! В народном календаре он значится как Иванов день. Этот день издревле считался пограничным – с ним осень провожали, а зиму привечали.

Да, приметы наползающей зимы все заметнее: зябкие, холодные утренники, сумеречные, короткие дни... И все просторней в стилом воздухе – ни тебе суевающейся мошкары, ни душных цветочных запахов, ни бодро-радостно снующих птиц. Только слышишь где-то высоко их тревожные клики, обжигающие душу тоской. Все почти уже разлетелись, только утки еще копаются, раздумывают – лететь – не лететь?

И, конечно, вспоминается в эту пору «Серая Шейка». Не только в связи с календарем миграции птиц, а больше потому, что душе хочется зацепиться за историю спасения от цепких, ледяных лап зимы и от всех прочих, посягающих на наше право жить в этом прекрасном мире.

«Серая шейка», вспомним, первоначально напечатанная в журнале «Детское чтение» через полтора года после рождения дочери писателя, потом входила в сборник «Аленушкиных сказок» Д.Н.Мамина-Сибиряка и была для него в ряду этих сказок, пожалуй, самой любимой. Почему? Потому что в Серой Шейке проецировалась судьба его любимой доченьки Елены-Аленушки; она тоже «не могла летать», потому что родилась с родовой травмой, последствием которой стала мучительная хорея. Ее судьба была еще горше, чем у уточки с перекушенным лисой крылышком – ее-то, больше всех других утят, любила и пестовала утка-мать, а у Аленушки мама умерла в родах. Но отец, он делал все и немножко больше, чтобы душа его девочки была крылатой, чтобы она чувствовала красоту, умела радоваться и горевать, умела любить все вокруг – цветы, травы, букашек, птиц, зверей, людей. Все, отмерянные ему после рождения дочери, годы он жил и дышал ею и вместе с нею: «Буду жить для этого маленького существа, буду работать для него и буду им счастлив». Да, воистину Аленушка была «отецкая дочь»!

Но вернемся к нашей героине, Серой Шейке. Она еще «не знала, что такое разлука и одиночество», но скоро узнает...

«А как быстро летело время! Был уже целый ряд холодных утренников, от инея пожелтели березки и покраснели осины. Вода в реке потемнела, и самая река казалась больше, потому что берега оголились, – береговая поросль быстро теряла листву. Холодный осенний ветер обрывал засыхавшие листья и уносил их. Небо часто покрывалось тяжелыми облаками, ронявшими мелкий осенний дождь». И вот уже стая готовится к перелету, все в нетерпеливом возбуждении, «сколько было крика, молодого веселья и радости» и все это мимо, мимо нашей уточки, она в этой радостной суете лишняя и чужая. И мы так остро чувствуем ее горе, ее страх и смятение, и ее полную незащищенность!

И вот она одна на своей реке. И река, которая заменила ей небо – она плавает так, что любой дельфин обзавидуется- река тоже потихоньку ей изменяет. Она долго «не поддавалась холоду», но холод подстерег ее, сонную, ночью и сковал льдом. И вот уже осталась только полынья на

самой середине – «около пятнадцати сажень». Тревожно подсчитываем, сколько же это? Сажень – старинная единица измерения; в 17-м веке – 2 метра 16 см., с 1835 года – 2 м. 13 см. Так что, полынья была где-то 32-33 метра – ничего, еще можно поплавать-понурыть! Но зима наддаёт холода и вот уже «от большой полыньи оставалось всего одно окно, в сажень величиною», это значит – два метра с небольшим.

Бедная, бедная Серая Шейка, «она даже не могла любоваться творившимися кругом нее чудесами». Где там, когда все ближе и ближе к ее последнему убежищу подбирается та самая Лиса, которая летом перекусила ей крылышко и теперь хочет получить, наконец, отсроченную добычу! Как негодуем мы на разбойницу, как рвется наше сердце, как ищет способа спасти полюбившуюся героиню!

И способ, конечно, является, по - другому не может быть в сказке! Появляется старик Акинтич, который забирает уточку из полыньи, чтобы снести ее «своим внукам» и мы облегченно переводим дыхание. От холодной, жестокой зимы – в тепло, в добро, в жизнь, (Акинтич уже целую судьбу для нее сочинил)!

Эх, как бы в жизни было так, как в сказке! Увы, у Серой Шейки-Аленушки судьба была более жестокой - менее чем на два года пережила она горячо любимого отца и умерла от скоротечной чахотки в 22 года. Конечно, смертельная по тем временам болезнь, но и другое тоже – уж больно неразрывны были их души!

Вот такая сказка с тяжелой каплей печали.

А что же «кисель из понарошки»? О, это из совсем другой сказки, сказки 21-го века – норвежского писателя Руне Белсвика «Простодурсен. Или зима от начала до конца». «Она тут при чем?», - резонно спросите вы.

Не скажите, герои из страны Приречной – «взгорки, норки и дома», «гора, лес, валуны и камни» - знают, что такое холодное, сумеречное предзимье и долгая зима с ее тоской и болезнью под названием «одиночка». Здесь знают, что «недостаточно греть стены, надо греть душу и сердце». И, наконец, здесь тоже есть Утенок, спасенный Простодурсеном еще не вылупившимся, и пришедший в чудесный мир, где «очень вкусно пахнет – теплыми коврижками и книжками»!

Увы, мир не всегда бывает гостеприимен и добр, но наше появление и жизнь в нем – чудо! «Вся наша жизнь, как золотая рыбка. Блестит, переливается и хватается ртом воздух» - наша задача, чтобы ей хватало «воздуха».

Кстати, вы знаете, что вот уже 10-ть лет в нашей стране по инициативе Союза охраны птиц России в январе проходит всероссийская акция «Серая шейка» - акция по учету зимующих птиц и, в частности, зимующих уток? В январе 2024-го года волонтеры «Серой шейки» Челябинска насчитали на водоемах города 252 кряквы, это самая распространенная на Урале утка – героиня

сказки тоже была кряквой! Будет проходить эта акция и в 2025-м году – обращайтесь в Челябинское орнитологическое общество и присоединяйтесь!